

Глава 36

Возвращение к истокам

Святослав Федоров и Солженицын
Сотрудничество с правозащитниками
Обращение к немецкой общественности (1996 г.)
Темы моей публицистики: террористическая война,
можно ли победить мировой терроризм? антизападная истерия.
Обращение к общественности Запада (2000 г.)
Совместима ли Россия с капитализмом?
Можно ли «переиграть партию»?

После прекращения в 1994 году деятельности Союза трудовых коллективов я продолжал по инерции жить по полгода в Москве и «ударился» в журналистику. Правда, был короткий эпизод деловой дружбы со знаменитым профессором офтальмологом Святославом Федоровым, который заявлял о внедрении в своем госпитале принципов участия сотрудников в доходах и управлении. Но понятия о кооперативном владении у него были самые поверхностные, демократию он не терпел и внедрил на деле замаскированную премиальную систему. Однажды выступая по телевидению, он заявил, что России нужен Христос в шинели Пиночета, а в другой раз, что «нужна демократия с пистолетом у виска», и пояснил: «Чтобы около каждого директора стоял военный комиссар!».

Я предложил Федорову нанять телевизионную группу и поехать в «Мондрагон», чтобы сделать о нем фильм и самому воочию увидеть передовой опыт кооперативного хозяйствования. Федоров посмотрел на меня надменно: «А зачем это нужно? Снимайте нашу больницу — это куда интереснее!». Он страдал типичным для многих россиян отсутствием интереса к чужому опыту и одновременно гомерической хвастливостью. Я часто слышал от него: «У нас (в его госпитале) производительность труда в 4 раза выше, чем в США!». Хотелось спросить, а как вы это вычисляете, и главное, так ли уж нужна в вашем деле высокая производительность? Неудачных операций в его госпитале было очень много.

К слову, самохвалов среди западных деловых людей я никогда не встречал! Все они отличаются самокритичностью.

Любопытен эпизод взаимоотношений Федорова с Солженицыным. Последний, стараясь интегрироваться в жизнь страны после запоздалого возвращения на родину, сделался вдруг на какое-то время сторонником групповой трудовой собственности и поддерживал забаву Федорова по созданию Партии самоуправления трудящихся. Он даже направил приветственную телеграмму в адрес учредительного съезда этой партии:

«Всячески поддерживаю Ваши неустанные усилия по возрождению в России реального народного самоуправления и экономической независимости работников, напрямую заинтересованных в результатах своего труда.

Александр Солженицын
25 января 1995 года г. Москва».

А однажды я видел по телевидению и беседу на эту тему Солженицына с Федоровым, когда Солженицын фактически поддерживал мой подход, разумеется, на меня не ссылаясь.

На заявление Федорова, что трудовые коллективы должны получить возможность выкупать предприятия из своих прибылей по методике ИСОПа, Солженицын возразил: «Опять выкупать? Сколько можно?! Они ведь давно уже своим неоплаченным трудом окупили стоимость большинства предприятий!». И предприятия, стало быть, должны переходить в собственность коллективов безвозмездно.

— Но этого нельзя делать, — возражал Федоров, — это может привести к гражданской войне: новые хозяева не захотят отдавать свою собственность...

Я потом сказал Федорову, что вопрос о реституции, о возвращении работникам оплаченной ими собственности, может возникнуть лишь в условиях пробуждения общества, а в этом случае нынешние хозяева сделаются очень сговорчивыми: у них ведь не будет никакой социальной опоры.

Мои деловые отношения с Федоровым длились недолго — до того момента, когда я понял окончательно, что он не заинтересован в создании партии, которая бы выступала за установление настоящего кооперативного самоуправления, как и в установлении соответствующего порядка в своем госпитале.

В 90-е годы в Москве и в России имелся ряд других предприятий, на которых директора внедряли (или делали вид!) элементы кооперативной собственности и самоуправления, но на деле это чаще всего, как и у С. Федорова, оказывалось туфтой, непонятно для чего нужной директорам. Несколько директоров действовали искренно, но у них, естественно, ничего не получилось в условиях крушения обрабатывающей, товарной промышленности и криминальных порядков в экономике. Мешала и пассивность «заводского народа», не способного к проявлению какой-либо инициативы и защите своих интересов.

Не получилось у меня сотрудничества и с левой интеллигенцией. Я имею в виду, разумеется, левые группы, не связанные с КПРФ. Левые интеллектуалы оказались слишком уж во власти прошлого, во власти марксизма и советского менталитета, включая и яростное антизападничество. Они говорят и пишут общие, туманные слова о демократическом социализме, но косо смотрят на рыночные отношения, и большое недоверие вызывает искренность их приверженности демократическим ценностям. Ко всему еще они страдают распространенной болезнью всех российских интеллектуалов — завистливостью и стремлением во что бы то ни стало быть генералами.

И постепенно я сблизился с правозащитниками, вернулся на круги своя — к истокам! Большинство правозащитников были сторонниками капитализма, но в них не было нафталинового духа левых интеллектуалов и пренебрежения к демократии и праву, большинство из них критически относилось и к правым партиям за их соглашательство с нынешней властью. Были среди правозащитников и сторонники конвергенции — синтеза социализма и капитализма.

Обращение к немецкой общественности

В качестве одного из примеров сотрудничества с правозащитниками приведу составленное мною в конце 1996 года (после избрания Ельцина на второй срок) «Обращение к общественности Германии». Вот его сокращенный текст:

«Мы, представители российской демократической интеллигенции, обращаемся к немецкой общественности, исходя из того, что наши страны более всего связаны между собой судьбой и геополитическим положением.

С горечью и недоумением мы наблюдаем, как германское правительство поддерживает сложившийся в нашей стране антидемократический режим и все его жестокие и противоправные действия, а большая часть немецких СМИ вольно или невольно затушевывает глубину охватившего Россию кризиса. Нам трудно представить, что немецкое руководство не имеет достаточной информации об этом кризисе. Многие люди в России даже подозревают, что Запад, в том числе и Германия, потому и поддерживают безоглядно режим Ельцина, что надеются с его помощью окончательно превратить Россию в слабосильное государство «третьего мира».

В случае решительного осуждения со стороны демократических стран и угрозы экономических санкций команда Ельцина вряд ли решилась бы на конституционный переворот в октябре-декабре 1993 года и установление авторитарного режима, на чудовищную войну в Чечне, на недемократическое проведение выборов — на действия, предопределившие эскалацию кризиса в России.

Сейчас положение в нашей стране можно охарактеризовать как начавшуюся катастрофу...

Разрыв в имущественном положении класса богатых и основных социальных групп ныне намного больше того, который в свое время вызвал Октябрьскую революцию в России...

Мы призываем общественность Германии и средства массовой информации добиваться, во-первых, объективного освещения положения России и, во-вторых, начать дискуссию по вопросу о том, что теперь еще могут сделать ваша страна и Запад для изменения положения в России к лучшему. Мы готовы оказать всяческую помощь в проведении этой дискуссии».

Среди подписавших обращение были Юрий Афанасьев — ректор Российского гуманитарного университета, Леонид Баткин — историк, Юрий Буртин — публицист, Сергей Ковалев — правозащитник, Лев Копелев — писатель, Дмитрий Фурман — историк.

Обращение было широко опубликовано в немецкой прессе и прессе ряда других западных стран и вызвало дискуссию.

Копелеву, между прочим, я обращение не посылал. Послал Юрий Буртин, и Копелев немедленно его подписал, хотя знал, что обращение написано мною, и позвонил мне, предложив помощь в распространении обращения. Я уже был известным в Москве публицистом, со мной выступали видные российские деятели, и Копелев вмиг забыл об эмигрантской табели о рангах и кланах.

Темы моей публицистики Война в Чечне

Большое место в своей публицистике я уделял чеченской войне, выступал за прекращение этой захватнической войны и за предоставление чеченцам права на самоопределение вплоть до отделения. Я писал, что Чечню нельзя считать частью России, так как она была завоевана лишь в 1864 году после 40-летней войны, и с той поры регулярно бунтовала, добываясь отделения от России.

Я выступал так же за предоставление права на отделение всем компактно проживающим (в течение многих поколений) народам. Там, где нет свободы выхода, нет и свободы! В цивилизованном обществе свободы выхода не может быть только из двух мест — из тюрьмы и сумасшедшего дома! (Россия сегодня представляет собой и то и другое вместе взятое!)

В конце первой чеченской войны, в январе 1996 года я напечатал в «Независимой газете» статью «Кто бандиты?», в которой, как догадывается читатель, бандитами я характеризовал российских военных, особенно всяческих спецназовцев. Статья эта заканчивалась следующим образом:

«Чеченцы, защищая свою свободу, защищают и российских людей от катастрофы, которую способен навлечь на них нынешний режим в России. Своим героическим сопротивлением чеченцы ослабляют этот режим и дают шанс россиянам избавиться от него. Чеченцы первыми приняли на себя удар возрождающегося в новом облике тоталитарного монстра, и мы не должны позволить уничтожить Чеченскую Республику Ичкерия и ее поразительного мужества народ. Если Ичкерии не станет, будущее России видится совсем черным».

Писал я и о преступных, террористических методах, которыми действовали в чеченской войне российские войска, стремившиеся к истреблению мужского населения Чечни, и о чудовищных провокациях, с помощью которых эта война была вторично развязана. В частности, об организованных ФСБ осенью 1999 года взрывах домов в Москве и Волгодонске (более 300 убитых!). В качестве доказательства я указывал на скандальное заявление спикера Госдумы Селезнева о взрыве дома в Волгодонске за три дня до взрыва(!) и на попытку ФСБ организовать еще один взрыв — в Рязани.

Писал и о захвате чеченцами в Москве с помощью ФСБ театра на Дубровке. Писал, что ФСБ потворствовало этому захвату, о чем свидетельствует и сам факт прихода в Москву большой вооруженной группы чеченских боевиков, и расстрел всей группы во время штурма театра с очевидной целью убрать находившихся в группе агентов, чтобы не допустить утечки информации о роли ФСБ. Цель всей этой акции, на мой взгляд, состояла в том, чтобы: поднять начавший падать «рейтинг войны», а с ним и рейтинг Путина. В результате применения газа, напомним, погибло 130 заложников, а здоровью остальных был нанесен большой ущерб!

Я писал, что чеченская война ведет к озверению народа и к фашизации страны.

Между прочим, статью о Норд-Осте я не смог опубликовать ни в одной газете, только в интернете на сайте музея и общественного центра им. А.Сахарова. Сейчас, после воцарения Путина, печатать подобные статьи стало уже невозможно.

Очень важной в этой теме считаю статью, написанную после 11 сентября 2001 года: «Конвергенция — спасение человечества». (Подзаголовок: «Ни с терроризмом, ни с экологической

катастрофой не справиться без синтеза элементов капитализма и социализма"), опубликованную в «Независимой газете» 22 ноября 2001 года.

Выступая в поддержку операции американских войск в Афганистане, я однако писал, «что для полной ликвидации исламского терроризма необходимо установление в большинстве стран Запада социалистического строя синтезной формации, чтобы можно было избавить народы третьего мира от эксплуатации транснациональными корпорациями (ликвидировав эти корпорации!), совокупность которых даже Джордж Сорос характеризует как «мировую империю капитализма, приносящую выгоды центру за счет периферии»¹.

В условиях такого экономического империализма невозможно эффективно помогать народам третьего мира вылезать из нищеты и темноты, которую эксплуатируют сегодня феодалы и религиозные иерархи, натравливая свои народы на западные страны, на Америку и Израиль, чтобы остановить проникновение демократии в их владения и сохранить свою власть и богатство.

Один из разделов этой статьи был посвящен проблеме конфессиональной раздробленности человечества как почвы для произрастания ненависти в мире. Я утверждал, что «конфессиональная раздробленность народов сейчас играет даже более злокачественную роль, чем разобщенность расовая. Межконфессиональная вражда, как правило, вступает в резонанс с какими-то другими мотивами для конфронтации — и в результате этого рождается непримиримая ненависть... Люди доброй воли всех конфессий должны бы задуматься о том, как ослабить межконфессиональную рознь и усилить экуменическое движение...»

Антизападная истерия

Много внимания в своей публицистике я уделял антизападной и антиамериканской пропаганде, постоянно ведущейся в «новой» России со времен «позднего» Ельцина. Но статей на эту тему за двумя исключениями мне не удавалось печатать в российских газетах, только в интернете. Одно исключение — статья «Ненависть к Западу — путь в средневековье» (Новые Известия. 20.12.2000), и второе — «Открытое письмо редактору «Литературной газеты», напечатанное в малотиражной «Газете региональных правозащитных организаций» (№ 11-12, февраль-март 2003 г.) В этой статье я в частности писал:

«Я лично с уважением отношусь к активности европейских пацифистов (исключая левых и правых радикалов), хотя и не согласен с ними. Но Ваша газета выступает не за мир, не за мирное разоружение Ирака: содержание и стиль публикаций в ЛГ — это психологическая подготовка к войне. Вы должны понимать, что яростная антиамериканская пропаганда действует и на заказчиков такой пропаганды. Они, история свидетельствует, могут стать жертвами собственной пропаганды и лжи и в какой-то критический момент могут спровоцировать войну».

В «Литературной газете», к примеру, в передовой статье(!) США объявлялись «самым деструктивным и опасным фактором в системе международных отношений» и обвинялись в том, что они «заинтересованы в создании и поддержании конфликтных ситуаций и междуна-

¹Кризис мирового капитализма. М.,1999.С.114

родной напряженности...провоцируют рост терроризма, игнорируют международное право и международные организации».

В другой статье в «Литгазете» утверждалось, что «благодаря наглости ковбоев в мире идет четвертая (или уже пятая?) мировая война...».

Заместитель главного редактора писала, что «сближение Франции и Германии происходит по американскому плану с целью окончательно разрушить государственное и культурное своеобразие этих двух старейших европейских держав». И попутно сообщила, что «Европа массу сил положила на то, чтобы в соответствии с американским сценарием отобрать у России Чечню».

Множество людей в России страдает от того, что нет сил у России обрушиться с войной на Америку, и современная власть всячески раздувает это страдание.

В день «защитников отечества» (23 февраля), когда на всех каналах российского телевидения бурлит оголтелая антиамериканская пропаганда, мне запомнилось выступление какого-то комментатора (в 2004 году): «Американцы говорят, что у них столько бомб, что они могут 30 раз уничтожить Россию, а мы их можем уничтожить 50 раз!». Таких цифр, такого «оптимизма» я даже в старые времена не слышал!

Обращение к общественности Запада

В феврале 2000 года в связи с приближавшимися президентскими выборами Путина я составил текст обращения к западной общественности. Среди подписавших его вместе со мной были Елена Боннэр — вдова академика Сахарова и председатель фонда его имени, Леонид Баткин — историк, Юрий Буртин — публицист, Юрий Самодуров — директор общественного центра Сахарова, Андрей Пионтковский — руководитель Центра стратегических исследований МГУ, Сергей Григорянц — руководитель фонда «Гласность».

Вот сокращенный текст этого обращения.

«Запад должен пересмотреть свою политику по отношению к Кремлю

Величайший парадокс новейшей истории России заключается в том, что пока Запад рукоплескал демократическим и рыночным реформам ельцинских правительств, в России под прикрытием и в результате этих реформ восстанавливался модернизированный сталинизм. При Сталине примерно треть населения работала бесплатно или за символическую плату, теперь — две трети. Состояние медицинского обслуживания для 80% населения ныне хуже, чем в сталинские времена. В тюрьмах в ужасающих условиях содержится более миллиона человек, и треть из них сидит там по 2-3 года в ожидании суда. При Сталине за 25 лет было расстреляно и погребено в лагерях, ссылках и от голода около 20 миллионов человек. Сейчас из-за тяжелейших условий жизни численность населения сокращается по миллиону в год. Плюс жертвы двух чеченских войн. Плюс мафиозный террор по всей стране. Но все граждане страны теперь свободные люди, могут даже свободно выезжать за рубеж. Если, конечно, у них есть деньги. Модернизация!

...И при Путине начался новый этап внедрения модернизированного сталинизма. Уже сточается авторитаризм власти, идет милитаризация общества, увеличивается военный бюджет, восстанавливаются «особые отделы» ФСБ в воинских частях, военное обучение в школах, тренировочные сборы офицеров запаса, призыв студентов-выпускников в армию. Усиливается влияние органов безопасности. Демонстративно и торжественно подчеркивается их родство с прежними «органами» ЧК — КГБ — ФСБ, Путин лично возлагает венок на могилу одиозного шефа КГБ Юрия Андропова, причастного к кровавому подавлению венгерского восстания в 1956 году и введшего практику заключения диссидентов в тюремные психиатрические больницы. СМИ представляют правозащитные организации как антипатриотические, пораженческие (по отношению к чеченской войне), действующие в интересах Запада и на западные деньги. 75% правозащитных организаций уже лишены права на легальную деятельность. Во многих регионах страны управления юстиции и суды прекращают деятельность и общественных организаций национальных меньшинств — немецких, еврейских, армянских, корейских и т. д. Зловещий характер принимает наступление на свободу печати. Мы опасаемся, что при нынешних властях нашу страну в обозримом будущем ждут разрушительные потрясения, от которых могут пострадать и окружающие страны. И мы призываем власти и общественность Запада пересмотреть свое отношение к кремлевскому руководству, перестать потворствовать его варварским действиям, демонтажу демократии и подавлению прав человека. Конкретно мы ожидаем от демократического мира поддержки:

нашему стремлению остановить войну в Чечне,
восстановить свободу печати и
деятельность правозащитных и национальных общественных организаций.

Такая перемена политики по отношению к Кремлю единственно может увеличить шансы на то, что Россия станет когда-нибудь безопасной и стабильной страной, безопасной как для других народов, так и для собственного населения."

Обращение было опубликовано в «Монд» и «Либерасьон» (Франция), в «Вельтвохе» (Швейцария), в «Нью-Йорк таймс», в «Ньюс дэй» (США) и «Рашен-Джонсон-Лист» (Интернет), на японском телевидении, в прессе Канады и Японии. Это только то, что мне стало известно.

Публикацию в «Ньюс дэй» и «Рашен-Джонсон-Лист» осуществил Ларс-Эрик Нильсен. Это было незадолго до его смерти. Я позвонил ему, поблагодарил, он сказал в ответ очень хорошие слова о моем тексте. «Ну, значит не зря ты меня защищал?» — не удержался я. Это был наш последний с ним разговор. Когда я позвонил через какое-то время, секретарь сказала мне: «Мистер Нильсен скоропостижно скончался!».

Совместима ли Россия с капитализмом?

В 1996 году в немецком издательстве «Густав Любе Ферлаг» вышла моя книга «Что происходит с Россией?» (подзаголовок: «Демократы против диктатуры Кремля, войны и хаоса»).

Я описал в ней процесс становления капитализма в России и его губительное воздействие на страну и общество и изложил гипотезу о том, что Россия не совместима с капитализмом.

Глава, посвященная этой теме, была в сокращении напечатана в «Независимой газете» и полностью в альманахе Михаила Шатрова «Красные холмы». Сейчас вопрос этот стал еще более актуальным, и я изложу кратко свои соображения на этот счет.

Прежде всего отмечу, что я понимаю в данном случае под несовместимостью. Это, когда имплантируемый «орган» (строй) уродуется «организмом» страны и в свою очередь уродует последний.

Каковы на мой взгляд главные симптомы несовместимости России с капитализмом?

1. С укоренением капитализма в стране разрушается демократия или, точнее, ее зачатки, созданные до ельцинского конституционного переворота. Сейчас уже от демократических институтов ничего не осталось, и сложился слегка замаскированный авторитарный режим, имеющий тенденцию к дальнейшему ужесточению.

Для сравнения, в большинстве стран Восточной Европы и Прибалтики с внедрением капитализма демократия развивалась и укреплялась.

2. По мере укоренения капитализма разрушалась обрабатывающая, товарная промышленность, а с тем и наука, здравоохранение, образование. (Сейчас, в 2004 году, доля обрабатывающей индустрии в ВВП составляет всего лишь 15%!) До имплантации капитализма в этих отраслях было занято около 70% населения. За 12 лет развития капитализма в стране (ко времени окончания этой книги) не было создано ни одного крупного предприятия в обрабатывающей отрасли. Прибыли (из добывающей промышленности и сервиса) преимущественно выводятся за рубеж. Недавно президент Альфа банка Петр Авен констатировал, что «без учета экспорта нефти и других ресурсов экономика России не растет, а все время падает». В 2003 году производство товаров и средств производства уменьшилось еще на 9%. Я лично не знаю примера в истории, когда бы капитал не был способен к созиданию, а только к разрушению!

До сих пор капитализм, развиваясь в сельскохозяйственных странах, будь то в старой Европе или в нынешнем третьем мире, перетягивал население из деревень в города, и сельское население относительно быстро в городах адаптировалось, теперь же впервые в истории сложилось положение, когда благодаря внедрению капитализма в индустриально развитой стране городскому населению, чтобы выжить, надо возвращаться в деревни к сельскому хозяйству, но городские люди к этому обратному движению за редким исключением не способны, тем паче в российских условиях.

Тяжелое и продолжающееся ухудшаться положение большей части населения и является главной причиной демонтажа демократии в стране. Власть и деньги имущие опасаются, что народ может воспользоваться демократией и отстранить их от власти и собственности.

Каковы же российские особенности, делающие страну несовместимой с капитализмом?

Чтобы их лучше увидеть, надо опять же сравнить стартовую ситуацию в России с таковой в странах Восточной Европы.

Прежде всего это низкий исходный моральный уровень значительной части российского населения и руководящих слоев в особенности — результат долгого господства сталинизма-брежневизма. Из-за одной этой «низости» нельзя было внедрять капиталистические отношения

в нашей стране! Они неизбежно складывались мафиозными и в свою очередь еще больше понижали нравственный уровень общества.

Другое дело, если бы развитие рыночной экономики велось на кооперативной основе. Кооперативы стоят на демократии, и она препятствует развитию коррупции и постепенно повышает моральный уровень людей. Повышению трудовой морали способствовало бы и коллективное владение собственностью, когда все работники были бы заинтересованы во взаимопомощи и в добросовестном исполнении своих обязанностей.

Следующая причина несовместимости — полное отсутствие в стране демократических традиций и даже понимания, что это такое — демократия. В развитых странах Восточной Европы демократические порядки существовали перед второй мировой войной.

Характерным отличием российской обстановки (от восточноевропейской) представляется отсутствие массовых, независимых партий. На этот феномен поразительным образом не обращается должного внимания. Крупные партии давно уже сформировались в странах бывшего соцлагеря, а в России их нет как нет и в обозримом будущем не предвидится. Но без сильных, массовых и независимых (от властей и капитала) партий невозможно формирование цивилизованного капитализма (как и демократии). Партии, конкурируя между собой за избирателя, мешают и друг другу нарушать законы, и предпринимателям, и государственным чиновникам, мешают капиталу сражаться с властью и беззастенчиво эксплуатировать людей и природу. В том же направлении способны действовать и независимые сильные профсоюзы. Но быть сильными и независимыми профсоюзы могут опять же лишь в условиях существования крупных партий.

Далее. В России полностью отсутствовали капиталистические традиции и навыки. Капитализм в России начал было развиваться лишь в конце 19 века и вскоре был ликвидирован революцией. В Восточной же Европе капитализм существует с 18 века и существовал до конца Второй мировой. Мелкое предпринимательство было разрешено там и в «коммунистическую» эпоху.

Важное отличие стартовых условий в России от восточноевропейских — гипертрофия партийно-государственной номенклатуры и ее укорененность в жизни ввиду долгого существования и отечественного происхождения. О том, как это повлияло на злокачественное развитие капитализма, я думаю, всем теперь ясно. В передовых странах Восточной Европы после их освобождения от советского господства произошли антиноменклатурные революции, которые удалили коммунистическое чиновничество от управления государством. Особенно решительно там были разогнаны старые органы безопасности. В России ничего этого не было сделано из-за слабости общества и силы номенклатуры. (Говоря о передовых странах Восточной Европы, я имею в виду Чехию, Словакию, Польшу, Венгрию, Словению.)

Следующее не менее важное отличие — гипертрофия тяжелой индустрии, которая была обречена на разорение и разрушение при введении капиталистических порядков. Она не могла выдержать конкуренции западных товаров. А разрушение промышленности в индустриально развитой (до того) стране — это катастрофа.

И наконец, изобилие природных ресурсов, отличающее Россию от Восточной Европы, парадоксальным образом также явилось причиной ее несовместимости с капитализмом. Это хорошо разъясняет Джеффри Сакс, в прошлом главный советник правительства Гайдара! В середине 90-х годов Сакс писал: «Возможность для высшего чиновничества в России легко обогащаться на торговле ресурсами послужила почвой для беспрецедентной коррупции, разруша-

ющей страну. Восточная Европа бедна ресурсами, и там не было почвы для взрыва коррупции. Мы поторопились приватизировать в России добывающую промышленность.» (Новое время. 1995, № 28)

Это, между прочим, хорошая почва для размышления о том, что делать сейчас с добычей ресурсов в России!

И Россия не является единственной страной в мире, несовместимой с капитализмом. Значительная часть третьего мира тоже оказывается не в состоянии приспособиться к капитализму. Даже Южная Италия никак не может с ним совместиться, вылезти из нищеты и мафиозности. И первопричина отсталости итальянского Юга близка к российской: длительное, до второй половины XIX века, господство феодального строя.

Но Россия, повторю, единственная страна в мире, в которой внедрение капитализма сделало лишним добрую половину населения, притом наиболее квалифицированную!

Наши симпатизанты капитализма хватаются теперь за последнюю надежду, что со временем Россия сможет все-таки приспособиться к капитализму. Кто говорит — через 10 лет, кто — через 50. Но эти люди упускают из вида два важнейших связанных между собой обстоятельства. Первое — это необходимость воссоздания обрабатывающей, товарной промышленности, главного условия возрождения страны. И второе — что Россия не находится в вакууме! Над ней нависает сокрушительная конкурентная мощь Запада, с каждым годом усиливающаяся, и олигархи, жирующие на ресурсах, никогда не станут инвестировать воссоздание обрабатывающей индустрии, понимая, что западная конкуренция в условиях таможенной открытости, неизбежной при капитализме, будет давить эту индустрию. И чем дальше, тем иллюзорнее становится надежда на восстановление индустрии и по той причине, что с каждым годом все более теряют квалификацию бывшие работники промышленности и прикладной науки. Практически уже сейчас Россия осталась без кадров для масштабного восстановления индустриальной мощи в условиях капитализма.

Характерно, что Путин и его правительство ничего не говорят о задаче воссоздания обрабатывающей промышленности, понимая, очевидно, полную нереальность решения этой задачи! Говорят же о второстепенном и неопределенном. Например, об удвоении ВВП, не уточняя, за счет чего и что это может дать, если нынешний ВВП ничтожно мал для такой большой страны как Россия. Сейчас доля России в мировой экономике 0.8%! Отмена льгот, реформа ЖКХ и т.п. — только видимость развития.

На одной конференции я имел дискуссию с Ота Лацисом, который защищал реформы Гайдара-Чубайса, но вдруг сказал: «Самая большая беда в том, что реформы эти запоздали на 40 лет!» Да, минус 40 лет от 1992 года — это 1952 год. Тогда еще западная промышленность только-только восстанавливалась после мировой войны и не обладала такой подавляющей силой, как сейчас.

В итоге, не хочется и думать о том, что будет с Россией или что останется от нее через 10, а тем более через 50 лет. Если не произойдет чуда и в России не восторжествует синтезный социализм.

Но как он мог бы установиться? Можно ли еще «переиграть партию»?

В принципе, конечно, можно. Все опять же зависит от того, сможет ли общество выйти из комы. И уж если выйдет, и найдутся люди в его среде, которые смогут придать этому пробуждению конструктивный характер, то остальное будет, что называется, делом техники. Социальная база у нынешнего строя ничтожна, и защищать его никто не станет.

И задача состоит не в том, чтобы «все отобрать и поделить», что по утверждению сторонников капитализма является якобы единственной ему альтернативой. Такая задача никогда не стояла и в прошлом! (Она была «сформулирована» Шариковым у Булгакова в «Собачьем сердце». На самом же деле проводилась всеобщая национализация.) А в том задача, чтобы отобрать и вложить. Отобрать в собственность государства (демократического!) ресурсы, и доходы от их экспорта вкладывать через кооперативные фонды развития в создание обрабатывающих предприятий, защищая их высоким таможенным забором от внешней конкуренции до тех пор, пока в ходе конкуренции внутренней возрастет качество продукции этих предприятий. То есть речь идет о механизме расширенного воспроизводства синтезного социализма. Созданные фондами развития предприятия продаются в этом случае трудовым коллективам (сформированным с помощью тех же фондов). Продаются по себестоимости и в рассрочку, и коллективы, купившие предприятия, становятся впоследствии пайщиками фондов развития — ежегодно вкладывают в фонды определенные проценты от своей прибыли, получая взамен беспроцентные кредиты. Так была создана мощная промышленность кооперативной корпорации «Мондрагон», о чем я рассказывал выше.

Иначе говоря, нет худа без добра: крупную промышленность не придется отбирать у капиталистов по причине ее почти полного отсутствия!

Мелкое же и среднее предпринимательство при этом останется неприкосновенным, и будет освобождено от всяческого рэкета, от которого оно непомерно страдает сегодня. Правда, со временем оно начнет испытывать возрастающую конкуренцию кооперативных заведений, которые будут создаваться в торговле, сервисе и в сельском хозяйстве. Но конкуренция — вещь законная и полезная для общества, если только государство не будет специально поддерживать эти кооперативы. И демократическое государство не будет и не сможет этого делать.

Создание такого государства — неперемное условие для строительства синтезного социализма — обеспечит введение избирательной системы на производственной основе. Такая система «бархатным» образом устранил от власти и весь нынешний насквозь прогнивший управленческий класс, деградировавший и морально и умственно.

Такова схема. Сможет ли только выйти из комы российское общество? Вот в чем вопрос!